

UNITED WISDOM

Завет: взаимность, обязательство и память

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-26-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Завет: взаимность, обязательство и память

«Сделаем и исполним».

Исход 24:7, собственный русский перевод английской версии JPS 1917; Mechon Mamre.

О чём эта статья

Обещание может пережить того, кто его произнёс. Следующее поколение получает вместе с домом или семейной привычкой вопрос: что ему передали — подарок, долг или право? В иудейских библейских текстах завет связывает обещание Бога, ответ человека и память общины. Но эти заветы различаются: Ной, Авраам и Синай представляют разные круги участников и формы обязательства. Слово «взаимность» поэтому не означает договор равных партнёров с одинаковыми полномочиями. Статья рассматривает конкретные сцены, связь поколений, нарушение и обновление отношений. Мы выясним, как память может поддерживать заботу и становиться средством давления, почему наследование не устраняет вопрос о личном ответе и что теряется при превращении верности в безграничное требование. Практическая часть поможет проверить собственное обещание, сохраняя отличие бытовой договорённости от религиозного завета. Читателю не требуется заранее разделять веру этих произведений: важно различать утверждение текста, его религиозное основание и наше самостоятельное аналитическое продолжение.

I. Завет создаёт отношения во времени

Обещание иногда переживает того, кто его произнёс. Остаётся дом, который человек построил для семьи, привычка собираться в определённый день, обязательство заботиться о том, кто ещё не умеет просить. Новое поколение получает вместе с этим вопрос: что именно ему передали — подарок, долг, право, рассказ о себе? Можно принять наследство и не заметить связанных с ним требований. Можно хранить требования и забыть, ради чего они появились.

Еврейское слово берит обычно переводят как «завет». В рассматриваемых библейских главах оно обозначает установленную связь, которая сохраняет силу за пределами одного разговора. У неё могут быть обещание, условия, знак и круг участников. Но набор этих элементов меняется. Чтобы понять слово, полезнее сопоставить конкретные сцены, чем начинать с единственной современной формулы.

@andrey.zarinsh @ilkutki

В обыденном договоре мы обычно ищем предмет обмена. Один человек передаёт вещь, другой платит; обязанности можно перечислить, нарушение — установить. Завет может включать обязанности, но его предмет шире: кто мы друг для друга, какое прошлое нас связывает, каким должно стать наше будущее. Это различение — аналитическое средство чтения, а не утверждение, что древние общества не знали практических договоров или что всякая верность становится священной.

В Бытии 15 Аврам спрашивает о будущем, которое пока невозможно увидеть. Рассказ соединяет обещание потомства и земли с ритуальной сценой. В Бытии 17 та же линия получает телесный знак и обращение к последующим поколениям. Один эпизод не заменяет другой: ожидание, установление связи и её обозначение составляют разные стороны повествования. Читатель видит, что отношения удерживаются не только воспоминанием о необычном событии, но и повторяемыми формами принадлежности.

Это ставит сложный вопрос. Чем дольше живёт обязательство, тем больше людей оно затрагивает, которые не присутствовали при его первоначальном установлении. Их связывает рассказ предшественников, но они сталкиваются с собственными обстоятельствами. Заветный язык делает эту проблему видимой, вместо того чтобы считать преемственность простой передачей сведений. Наследуется не только знание о прошлом. Наследуется обращённое к настоящему требование ответить.

Однако уже здесь необходима граница. Религиозная община может понимать такую связь как установленную Богом. Историк изучает тексты и практики, посредством которых эта уверенность передаётся. Человек вне традиции может размышлять о преемственности, не признавая богословского основания. Эти способы чтения соприкасаются, но не дают друг другу автоматического подтверждения.

II. Ной: обещание, которое охватывает всё живое

В Бытии 9:8–17 круг завета необычайно широк: Ной, его потомство и живые существа. Знаком становится радуга. Внутри рассказа обещание не уничтожать всякую плоть новым потопом относится к устойчивости обитаемого мира. Текст не описывает собрание, на котором животные заключают соглашение с Богом. Поэтому понятие равноправной сделки здесь особенно неуместно.

Рядом находятся предписания, связанные с жизнью и кровью. Соседство обещания и требований позволяет увидеть два измерения повествования: жизнь продолжается благодаря Божьему решению, а человеческая жизнь несёт ответственность. Но нельзя механически превратить каждый стих главы в пункт единого современного контракта. Важнее заметить, что сцена после катастрофы отвечает сразу на вопрос о будущем мира и на вопрос о границах человеческого действия.

Особенно выразительно то, кому адресован знак. Радуга в повествовании связана с Божьим воспоминанием о завете. Для читателя привычнее памятка, напоминающая человеку выполнить обещанное. Здесь знак говорит также о надёжности обещавшего. Отношение строится не только вокруг человеческого риска забыть. В самой религиозной картине мира утверждается, что продолжение жизни не оставлено произволу очередной катастрофы.

Не стоит извлекать отсюда обещание индивидуальной безопасности. Глава не утверждает, что отдельный человек больше никогда не пострадает от воды, войны или болезни. Её масштаб — мир живого и невозможность повторения тотального потопа в рамках данного рассказа. Разница между устойчивостью мира и защищённостью каждой жизни существенна. Без неё религиозный образ легко превращается в жестокое обвинение пострадавшего: если существует обещание, значит, его несчастье должно объясняться его собственной виной. Текст такого вывода не обеспечивает.

Для сравнения с другими заветами важна ещё одна черта: всеобщность здесь не стирает последующей особой связи с Авраамом и Израилем. Библейский рассказ способен удерживать одновременно горизонт всего живого и конкретную историю народа. Эти масштабы различны; один не требуется объявлять опровержением другого.

III. Авраам: обещание будущего и знак принадлежности

Бытие 17 представляет завет через будущие поколения, изменение имени и обрезание как знак. Рассказ соединяет личное обращение к Аврааму с судьбой потомства. Перед нами не универсальный совет по укреплению уверенности, а конкретное повествование о родстве, Божьем обещании и принадлежности. Современная психологическая аналогия может помочь заметить временную глубину обещания, но не исчерпывает его содержания.

Изменение имени делает будущую роль частью настоящего. Человек ещё не видит осуществления всего обещанного, однако уже назван в соответствии с ним. Литературно это создаёт напряжение между нынешним положением и возможным будущим. При этом рассказ не скрывает вопроса и смеха Авраама. Надежда не изображена как отсутствие сложности. Именно несоответствие обещания привычным ожиданиям делает сцену драматичной.

Телесный знак показывает другую сторону: принадлежность нельзя свести к внутреннему настроению. Она затрагивает тело, дом, поколение и общественную практику. Чтение только через индивидуальный выбор упустит эту особенность. В тексте речь идёт также о детях и людях, включённых в хозяйство Авраама. Древняя социальная

структура здесь существенно отличается от современных представлений о равном праве каждого взрослого самостоятельно заключать обязательства.

Эту разницу полезно назвать прямо. Историческое понимание не требует переносить все отношения древнего дома в сегодняшнюю семью. Богословская значимость главы и современная этическая оценка различных социальных устройств — разные вопросы. Если читатель хочет обсуждать медицинские или правовые аспекты конкретной практики, одной интерпретации Бытия недостаточно: потребуются другие источники и другой предмет разговора.

Завет с Авраамом раскрывает ещё и неодинаковость благословения и линии завета. Рассказ говорит об Измаиле и Исааке различным образом. Эта особенность не даёт основания делать вывод о человеческом достоинстве современных групп или превращать древний текст в готовое решение политического спора. В пределах статьи важен более узкий вывод: повествование не изображает все благие отношения одинаковыми. Особая связь получает определённую историю, круг и знак.

IV. Синай: ответ народа получает публичную форму

В Исходе 24:3–8 Моисей сообщает слова и установления, записывает их и читает книгу завета. Под горой появляются алтарь и двенадцать столбов по числу колен. Половина крови жертв направляется на алтарь; после чтения и ответа народа другая часть — на людей. Поэтому ритуальная связь здесь не просто обозначена: повествование размещает участников по разные стороны одной сцены и соединяет их действием. Читатель встречает не только произнесённое согласие, но и телесный образ обязательства.

Последовательность сцены позволяет различить три стороны обязательства. У записи есть определённое содержание, которое можно прочитать вновь. Ответ народа представляет принятие этого содержания. Кровь придаёт связи вес, который невозможно передать одной декларацией. Изобразить ритуал как древний вариант подписания договора было бы слишком легко: такой перевод потерял бы жертву, алтарь и обращение к Богу. Но различие между содержанием, ответом и установлением связи видно и без этой подмены. Ни один элемент сам по себе не выражает всей сцены.

При этом наше современное понятие информированного индивидуального согласия не следует автоматически приписывать библейскому собранию. Повествование представляет народ как коллективного участника. Оно не сообщает нам процедуры, в которой каждый мог отдельно отказаться, пересогласовать условия или выбрать другую общину. Уважительное чтение предполагает видеть текстовую форму, не дорисовывая к ней любимую современную модель свободы.

Взаимность Синайского завета асимметрична. Освобождение, обращение и предписание исходят от Бога; народ отвечает верностью и исполнением. Это религиозные отношения, а не переговоры сторон с одинаковой властью. Но асимметрия не уничтожает значение ответа. Именно ответ делает человека ответственным участником повествования: ему предстоит действовать, помнить, нарушать, возвращаться и толковать.

Здесь понятие обязательства становится особенно плотным. Можно соглашаться с общим образом добра, не меняя никаких действий. Заветный текст делает верность предметной. Он связывает принадлежность с тем, как устроены отношения и повседневный порядок. Такая конкретность позволяет проверять связь между произнесёнными словами и поступками. Вместе с тем её нельзя использовать как готовую санкцию для любого руководителя, который объявляет свои требования священными. Авторитет конкретного библейского завета не передаётся автоматически человеку, заимствовавшему его язык.

V. Память делает прошлое обязанностью настоящего

Память в этих произведениях действует через рассказ, который произносят заново. В Второзаконии 26:1–11 при принесении первых плодов история предков, угнетения и освобождения соединена с нынешним даром земли и урожая. Прошлое становится частью того, что человек делает сегодня. Это не просто хранение сведений о происхождении.

Такой способ памяти меняет значение благополучия. Урожай можно понять как итог исключительно собственного мастерства. Ритуальный рассказ помещает его в более длинную историю: человек пользуется результатами событий и труда, которые не начинались с него. Аналитически это позволяет различить благодарность и самоприсвоение. Но религиозное действие не сводится к полезному упражнению в скромности: участник обращается к Богу внутри определённой традиции.

Память также может открывать обязанность по отношению к другому. Второзаконие 24:17–22 связывает заботу о пришельце, сироте и вдове с воспоминанием о рабстве. Здесь прошлое не служит только основанием особого достоинства своей группы. Оно становится причиной заметить чужую уязвимость. Человек должен помнить обстоятельства, в которых его собственная свобода была невозможна.

Это содержательное различение пригодно для чтения общей истории. Один и тот же рассказ о пережитом может использоваться для оправдания замкнутости или для расширения ответственности. Сам факт страдания не предопределяет, как потомки станут относиться к другим. В рассматриваемом тексте связь между памятью и заботой сформулирована нормативно: именно так следует поступать. Это предписание, а не

эмпирический закон о том, что всякий пострадавший обязательно становится отзывчивее.

Память нуждается и в честности. Если община оставляет в своём рассказе только благородные решения предков, нынешний участник получает образец, которому невозможно возразить. Если же сохраняются ошибки, зависимость и нарушенные обещания, появляется пространство для ответственности без идеализации. Заветный рассказ может удерживать эту сложность: верность не равна утверждению, что прошлое было безупречным. Иногда помнить — значит признать незавершённую обязанность, которую прежнее поколение не выполнило.

VI. Кто присутствует, когда говорят «мы»

Второзаконие 29:9–14 в еврейской нумерации перечисляет разные группы собрания и говорит также о тех, кого сегодня здесь нет. Такая формулировка расширяет временной круг связи. Народ представлен не только нынешними руководителями и не только непосредственно присутствующими взрослыми. Повествование мыслит общность как продолжающуюся историю.

Это сильный образ, но у него есть вопросительная сторона. Когда от имени «мы» произносят обязательство, кто действительно получил голос? Кто включён в заботу, а кто только в требования? Текст перечисляет участников древнего собрания; современный читатель может отдельно спросить, как коллективное обещание влияет на тех, кто не имел возможности его установить. Это уже наше аналитическое продолжение, а не спрятанная в главе теория демократического представительства.

Представим условный пример: несколько взрослых решают сохранять семейный дом. Для них это благодарность родителям. Для выросших детей обслуживание дома может оказаться расходом, который определит профессию, место жительства и отношения. Фраза «мы всегда так делали» сообщит историю решения, но ещё не ответит на вопрос о справедливом распределении обязанностей. Преемственность становится яснее, когда можно назвать предмет заботы и реальную цену её продолжения.

Здесь важно избегать обратной крайности. То, что человек не выбирал обстоятельства рождения, не означает отсутствия любой ответственности перед другими. Мы зависим от языка, труда, инфраструктуры и заботы, которых не создавали самостоятельно. Но способ ответить на эту зависимость требует обсуждения. Между отказом от всякой связи и безусловным подчинением унаследованным требованиям остаётся значительное пространство осмысленной верности.

В религиозной жизни вопрос принадлежности получает собственные ответы через толкование, общинные нормы и конкретные направления иудаизма. Эта статья не

выводит из одной главы единую позицию всех современных евреев. Более ограниченная мысль достаточно существенна: слово «мы» способно связывать поколения, но оно требует внимательного чтения. За ним должны быть видимы живые люди, а не только торжественная форма общего обещания.

VII. Нарушение не всегда становится концом отношений

В Синайском рассказе человеческий ответ открывает возможность верности и нарушения; у Иеремии обновление предполагает историю разорванной связи. Но это нельзя превращать в определение всякого завета. В сцене с Ноем обещание сохранения живого не представлено как сделка, действующая лишь до следующего человеческого проступка. Разница существенна: одно повествование спрашивает, как человек отвечает на требование, другое утверждает Божье обещание миру. Драматическая возможность неверности относится к определённым отношениям и не объясняет весь круг рассмотренных текстов.

В Исходе 6:2–8 память о завете с праотцами соединяется с бедствием порабощённых и обещанием освобождения. Здесь Божье воспоминание не означает, что участники связи никогда не испытывали страдания. Напротив, речь возникает внутри несвободы. В литературном устройстве рассказа память удерживает будущее открытым там, где нынешние обстоятельства будто закрывают его.

Особенно сложна тема обновления. Иеремия 31:30–33 в еврейской нумерации говорит о новом завете с домом Израиля и домом Иуды, о Торе, написанной на сердце, и о прощении. Необходимо сохранить адресатов и содержание. Это не безымянное обещание каждому читателю отменить любую внешнюю норму. Текст говорит о преображении отношения к Божьему учению в определённом пророческом контексте.

Новизна здесь позволяет спросить, как соотносятся прежнее содержание и новый способ его жить. Можно знать требование и ощущать его исключительно как принуждение. Можно прийти к тому, что оно становится внутренне значимым. Однако внутреннее принятие не отменяет необходимости различать справедливое обязательство и навязанное. Современная аналогия показывает структуру вопроса; она не доказывает исполнение пророчества и не заменяет его богословскую интерпретацию.

В отношениях людей обновление также требует больше, чем красивого заявления. Если обещание нарушено, следует назвать нарушение, его последствия и изменения, которые сделают повторение менее вероятным. Простить, восстановить сотрудничество и признать прежнее обязательство действующим — разные решения. Их можно обсуждать отдельно. Заветный язык помогает увидеть глубину длительной связи, но не должен

закрывать человеку возможность оценить, что именно в этой связи сохраняется и что нуждается в изменении.

VIII. Особая связь и достоинство другого

Рассмотренные главы не дают одной плоской картины. Завет с Ноем охватывает живое; завет с Авраамом связан с потомством; Синайский — с народом и предписаниями. Различные масштабы заставляют удерживать всеобщность и особенность одновременно. Если стереть особую историю, исчезнет предмет иудейского текста. Если из особой истории вывести меньшую ценность всех остальных людей, появится вывод, которого это сопоставление не обосновывает.

Понятие особого обязательства вообще не тождественно понятию превосходства. Родитель отвечает прежде всего за своего ребёнка, но из этого не следует, что чужой ребёнок менее достоин заботы. Эта современная аналогия ограниченна: народный завет не является увеличенной семьёй. Она полезна лишь для логического различения приоритета ответственности и ранга человеческой ценности. Одно не выводится автоматически из другого.

При чтении религиозных текстов подобное различение защищает и от поверхностного универсализма. Иногда уважение понимают как обещание найти во всех традициях одну и ту же идею. Тогда конкретные имена, предписания и истории объявляются второстепенными. Но для носителя традиции именно они могут быть смыслом верности. Уважительный диалог начинается там, где читатель готов встретить содержание, которое не становится его собственной верой.

Например, интерес к заветной памяти не обязывает человека вне иудаизма заимствовать ритуал или объявлять себя участником Синая. Он может внимательно прочитать текст, понять связь памяти и обязательства, а затем самостоятельно сформулировать вопрос о своих отношениях. Это сохраняет дистанцию между объяснением и присвоением. И наоборот, верующий читатель не обязан превращать Божье обещание только в красивую метафору человеческого договора, чтобы сделать его понятным другим.

Такое чтение позволяет говорить о взаимности точнее. Взаимность может означать ответ на дар, а не равный обмен; память — продолжение связи, а не перечень заслуг; особенность — конкретную ответственность, а не право игнорировать чужую жизнь. Но каждый из этих смыслов следует проверять по тексту. Общая доброжелательная формула не заменяет внимательно сохранённых различий.

IX. Верность помнит, кому она адресована

Завет в рассмотренных текстах соединяет то, что легко разъединить: дар и ответ, прошлое и будущее, принадлежность и действие. Каждая сцена делает это по-своему. Радуга удерживает обещание миру живого; знак Авраамова завета вписывает связь в историю поколений; Синайский рассказ придаёт ответу народа текстовую и публичную форму. Их различия помогают избежать слишком лёгкого определения.

Самое существенное в этом чтении — способность увидеть обязательство как отношение, а не как вещь, которую однажды получили и положили на полку. У него есть адресат. Оно касается чьей-то жизни. Память о его происхождении помогает понять смысл, но не освобождает от внимания к настоящему. Если форма сохраняется, а люди исчезают из поля зрения, верность рискует стать обслуживанием собственной торжественности.

Есть и обратный риск: считать действительным только нынешнее настроение. Тогда человек утрачивает связи, которые нельзя каждый день создавать заново с нуля. Другой оказывается зависимым от того, хочется ли нам сегодня помнить. Долгое обещание противостоит этой случайности. Оно позволяет опираться на вчерашнее решение, пока обстоятельства и взаимное понимание сохраняют его смысл. Пересмотр требует ясности, но сама необходимость пересмотра не делает прошлую связь ложной.

Религиозный завет остаётся больше этой человеческой аналогии. Для иудейской веры речь идёт о Боге, Торе и народе, а не только о разумном устройстве совместной жизни. Читатель может не принимать такое основание, однако способен уважать его конкретность. Тогда изучение традиции расширяет язык размышления, не превращая чужое учение в универсальную инструкцию.

Обещание переживает произнесённые слова благодаря тем, кто продолжает отвечать за его содержание. Иногда такой ответ выражается в сохранении формы. Иногда — в честном признании нарушения и восстановлении действия. Иногда — в уточнении того, что было передано следующим поколениям. Во всех этих случаях память становится содержательной, когда помогает различить: что нам доверили, кому это служит и каким сегодняшним поступком мы действительно продолжаем связь.

Что это значит на практике

Следующая практика — современное упражнение для размышления, а не иудейский обряд и не способ заключить религиозный завет. Она подходит для одного посильного обязательства, которое человек действительно принял: помогать родственнику, поддерживать общий проект, сохранять важную семейную традицию. Лучше выбрать отношения, в которых обсуждение возможно и не создаёт дополнительного риска.

Сначала запишите само обещание одной конкретной фразой. «Я буду рядом» может означать очень разные действия; «я звоню раз в неделю и заранее сообщаю, если не смогу» позволяет понять предмет связи. Затем отдельно назовите основание: любовь, благодарность, прежняя помощь, совместная цель, договорённость. Основание объясняет смысл обязанности, но не заменяет её условий. Благодарность не даёт другой стороне безграничной власти назначать всё новые требования.

Следующий вопрос — о времени. Когда обещание было принято? На какой срок? Изменились ли здоровье, ресурсы, состав участников? Если условия изменились, уточнение не обязательно означает отказ от верности. Иногда именно уточнение сохраняет реальную заботу. Без него человек продолжает обещать невозможное, а другой строит ожидания на словах, за которыми уже нет действия.

После этого проверьте круг участников. Не приняли ли вы обязательство за кого-то ещё? Не рассчитывает ли ваша договорённость на неоплаченный труд человека, который в разговоре не присутствовал? Здесь может обнаружиться существенное различие между красивым общим «мы» и действительным распределением усилий. Изменение лучше обсуждать предметно: какие действия нужны, кто может их выполнять и какая помощь отсутствует.

Наконец, придумайте форму памяти. Это может быть общая запись договорённости или короткий регулярный разговор. Её задача — сохранять содержание, а не доказывать чью-то вечную задолженность. Через некоторое время спросите, стала ли забота надёжнее и понятнее. Если упражнение лишь добавило обвинений, оно не выполнило своей цели. Можно вернуться к меньшему обязательству, которое обе стороны понимают. Длительная связь укрепляется не максимальным числом обещаний, а возможностью знать, на что действительно можно рассчитывать.

Допустим, обещание связано с помощью старшим родственникам. Один человек регулярно приезжает, другой переводит деньги, третий почти не участвует. Общая формула «мы заботимся» скрывает различный вклад. Прежде чем обвинять кого-то в неверности, полезно выяснить, какие обязанности действительно согласованы, какие возможности есть у каждого и где помощь пока держится на молчаливом ожидании.

Иногда нарушение обнаруживается в поступке, иногда — в самой неопределённой договорённости.

Не меньше внимания требует изменение условий. Если человек обещал участие при одном состоянии здоровья и теперь не может выполнять прежний объём, обсуждение изменения не обязательно означает отказ от связи. Можно сохранить цель и изменить форму: найти помощь, уменьшить частоту, распределить расходы. Однако одностороннее молчаливое исчезновение отличается от пересмотра с участием затронутых людей. В первом случае другой остаётся с ожиданием, которое уже не соответствует реальности.

После такого разговора стоит записать не только новые действия, но и то, чего обещание не включает. Забота о родственнике не означает согласия с каждым его решением. Участие в семейной памяти не означает отказа от собственного будущего. Право отказаться от нового требования не отменяет ранее взятой конкретной обязанности. Эти различия позволяют хранить связь без превращения её в безграничную власть одной стороны.

Наконец, оставьте место для оценки другим участником. Вы можете считать свой вклад достаточным, а он — видеть неуслышанную потребность. Его ответ не становится автоматическим приговором, но должен войти в разговор. Верность проверяется не только внутренним намерением и не только чужим требованием. Ей нужны ясные условия, реальные возможности и возможность обсуждать последствия. Такое упражнение не определяет содержание библейского завета; оно использует поставленный статьёй вопрос о том, что обещание делает с отношениями во времени.

Ключевая цитата

> *«На их сердце напишу её».*

Божья речь в пророческом тексте Иеремии, 31:32 по еврейской нумерации, 31:33 в ряде христианских изданий. Собственный перевод краткого фрагмента JPS 1917; местоимение относится к Торе, названной в том же стихе. Проверенный текст. Образ внутренней записи не устраняет общинного адресата и не даёт основания объявить прежнюю Тору отменённой.

Связи между традициями

Ниже — наши аналитические сопоставления; историческое влияние не устанавливается. Разные основания верности остаются различными.

Позиции и источники	Основание сравнения	Граница
Бытие 9:8–17 и Бытие 17	Обещание связывает настоящее с будущим и получает знак.	Радуга обозначает обещание всему живому; обрезание — предписанный знак принадлежности потомства. Охват и форма человеческого ответа различаются.
Исход 24:3–8 и Иеремия 31:30–33	Ответ народа и внутреннее усвоение Торы входят в отношения верности.	Пророческий образ обновления нельзя автоматически превратить в отмену нормы или смену адресата.
Второзаконие 26:1–11 и 24:17–22	Память об освобождении участвует в настоящем действии.	Благодарное исповедание истории и конкретная обязанность заботы выполняют разные задачи.
Исход 24:7 и Цзэн-цзы, «Лунь юй», I.4	Верность должна проявляться в действии, а не оставаться хорошим самоописанием.	Божественный завет народа отличается от проверки собственной надёжности в человеческих отношениях.
Второзаконие 29:9–14 и Эпиктет, «Энхиридион», §§17, 50	Обязанность выходит за пределы текущего желания.	Наследуемая общинная связь не тождественна стоическому отношению к роли и добровольно принятым нравственным правилам.

Первоисточники

• Бытие 9:8–17. Еврейский текст и английский перевод JPS 1917 в Mechon Mamre: завет с Ноем и живыми существами.

• Бытие 15. Mechon Mamre, JPS 1917: обещание Авраму и ритуальная сцена.

• Бытие 17. Mechon Mamre, JPS 1917: поколения, имена, знак завета.

• Исход 24:3–8. Mechon Mamre, JPS 1917: книга завета и ответ народа.

• Исход 6:2–8. Mechon Mamre, JPS 1917: память о завете в рассказе об освобождении.

• Второзаконие 26:1–11. Mechon Mamre, JPS 1917: первые плоды и исповедание истории.

• Второзаконие 24:17–22. Mechon Mamre, JPS 1917: память рабства и забота об уязвимых.

• Второзаконие 29:9–14 по еврейской нумерации. Mechon Mamre, JPS 1917: присутствующие и отсутствующие участники.

• Иеремия 31:30–33 по еврейской нумерации; в ряде христианских изданий 31:31–34. Mechon Mamre, JPS 1917: новый завет и Тора на сердце. Все перечисленные библейские записи — реально прочитанные главы или указанные фрагменты одного корпуса; они не считаются девятью независимыми современными исследованиями.

• Конфуций и ученики. «Лунь юй», I.4, I.13, английская версия Internet Classics Archive, переводчик на используемой странице явно не указан. Первичный конфуцианский текст; прочитаны указанные высказывания и ближайший контекст. Роль — надёжность и условия обещания.

• Эпиктет. «Энхиридион», §§17, 50–51, перевод Elizabeth Carter. Первичный стоический текст; прочитаны параграфы, роль — ограниченное сопоставление обязанности и постоянства.

Теги

завет, берит, иудаизм, Танах, Бытие, Исход, Второзаконие, Иеремия, Ной, Авраам, Синай, обещание, взаимность, обязательство, память, поколения, община, преемственность, верность, нарушение, обновление, Тора, достоинство, забота, границы, ответственность, религиозная этика, Цзэн-цзы, Эпиктет, межкультурное сравнение

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.